

§1 НАСЛЕДИЕ И ТРАНСФОРМАЦИИ

Захарченко Г.В.

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ В ИСТОРИИ РОССИИ XX ВЕКА

Аннотация. Целью статьи является попытка пересмотреть исторические рамки и представления о существенных характеристиках и исторических последствиях Великой Русской революции 1917 года. Автор высказывает и обосновывает суждение о том, что весь период существования Советской Власти в России и СССР представлял собой единый революционный процесс развивавшийся по восходящей примерно до середины пятидесятых годов XX века, а с начала шестидесятых и вплоть до финала, последовавшего в 1991 году – по нисходящей. С точки зрения автора именно такой подход позволяет составить целостную, логически связанную картину необходимую для понимания наиболее значимых явлений и процессов, характерных для всей истории советского общества. Автор пытается в этом едином процессе определить место, как для позитивных, так и негативных проявлений советского строя. Автор стремится на основе анализа известных исторических фактов несколько по иному взглянуть на историко политическое развитие отечества в XX веке Предлагаемая в статье авторская интерпретация революционной парадигмы в истории Отечества позволит лучше понять специфику исторического развития России в XX веке, а также определить наиболее приемлемые и соответствующие исторической логики пути и формы парадигмального переустройства всего комплекса связей и отношений внутри современного российского общества.

Ключевые слова: революция,, радикалистская стабилизация, революционная парадигма., революционный радикализм,, постреволюционное общество,, красный террор, Восходящее развитие революции, советский проект, смена стиля, нисходящее развитие революции.

Abstract. The goal of this article is the attempt to reconsider the historical framework and ideas about the ontological characteristic and historical consequences of the Great October Socialist Revolution of 1917. The author demonstrated and substantiates the reasoning that the entire period of the existence

of Soviet Power in Russia and USSR represented a unified revolutionary process that was developing upwards approximately until the mid-1950's, and since the beginning of 1960's all the way until 1991 – downwards. In the author's opinion namely this approach allows comprising an integral, logically connected picture, necessary for understanding the more important phenomena and processes which are characteristic to the entire history of the Soviet society. The author tries to define the place for both, positive, as well as negative manifestations of the Soviet structure; based on the analysis of the well-known historical facts, he tries to have a somewhat different look upon the historical-political development of the country in the XX century. The proposed in this article author's interpretation of the revolutionary paradigm in the history of the country provides a better understanding of the specificity of the historical development of Russia in the XX century, as well as defines the more acceptable and corresponding with the historical logic ways and forms of paradigm remodeling of the entire complex of connections and relationships inside the modern Russian society.

Key words: *Revolution, Radicalistic stabilization, Revolutionary paradigm, Revolutionary radicalism, Post-revolutionary society, Red terror, Ascending development of revolution, Soviet project, Change of style, Descending development of revolution.*

1. Сущность и исторические рамки революционной парадигмы в России

История нашего Отечества в XX веке это, прежде всего история становления, функционирования, развития и завершения масштабного революционного процесса. Он был порожден множеством исторических особенностей развития страны главным из которых стало фатальное столкновение «двух России»: рожденной модернизаторскими усилиями самодержавия и ориентированной на систему европейских ценностей и народной, крестьянской, глубоко традиционалистской по своей сути и мировоззренческим основам, этой модернизацией затронутой лишь в самой малой доле.

Не классовым противостоянием стала Великая Российская революция 1917 года, не могла она ограничиться решением конкретных социальных и политических проблем в том виде как они интерпретировались с точки зрения попыток европейской идентификации происходившего в ней. Как точно отмечал всеобщее свойство европейских революций Макс Штирнер: «Революция не была направлена против существующего вообще, а против существующего в данном случае, против чего-то определенно-го.» [8, с 103]

Напротив, именно против «существующего вообще» мироустройства в пределах его российских реалий и состоялась русская рево-

люция. Не за политические частности прав и свобод выступил народ, ему важнее были всеобщие принципы равенства и, прежде всего, справедливости в самом широком понимании этого слова. Вот почему из практики революции так быстро выбыли те, кто наиболее конкретно видел ее задачи в рамках известных западноевропейских образцов, вот почему столь долго существовали и действовали в ней силы представлявшие стихию народного передела самых глубинных, базовых основ этого самого «существующего вообще».

Столь масштабные задачи, сложившиеся в процессе развертывания революционного процесса неизбежно породили и его чрезвычайную политическую устойчивость в наиболее радикальных проявлениях ориентированных на глобальные цели. Это отразилось и на особенностях революционного времени в России.

Чтобы сразу четко и недвусмысленно определить его рамки необходимо, по моему глубокому убеждению, принять достаточно непривычную трактовку Великой Русской революции начавшейся в 1917 году. Отличием ее является чрезвычайная длительность активного существования революционно-радикалистской по своей сути системы Советской власти охватывающей временной промежуток с осени 1917 по 1991 год.

В этом отношении русская революция принципиально отличалась от европейского опыта

XIX века. Там основной социальной силой изначально стал городской и сельский собственнический «средний класс», а беднейшие и наиболее радикальные в своих политических и социальных установках общественные слои были раздроблены, неорганизованы и лишены по-настоящему авторитетного политического руководства.

В России напротив, городские средние слои, включая и квалифицированных фабрично-заводских рабочих, очень быстро оказались политически парализованы, а затем и сметены неуклонно нараставшей волной массового народного неповиновения переросшего постепенно в открытое насилие. Русский, большевистский социально-политический радикализм всех возможных оттенков на долгие десятилетия сумел не только оседлать революцию как стихию протеста и разрушения, но и осуществить великий эксперимент практического построения альтернативного общества и государства, сформировав его на основе социальных и политических установок по цивилизационным масштабам своим граничивших с проектами великих утопистов XIX века.

Завершение полного революционного цикла, своеобразный «откат к февралю» произошел лишь осенью 1991 года. События 1991–93 годов фактически восстановили ситуацию двоевластия 1917 которая на сей раз разрешилась в пользу откровенно прозападной, либеральной по своим государственно-политическим взглядам буржуазно-демократической модели государства.

В последующее десятилетие окончательно определились итоги революционной парадигмы российской истории XX века: разрушение Российской империи как исторического явления и обретение страной нового геополитического статуса в качестве государства в основном соответствующего сложившимся в мире социально-политическим и правовым стандартам.

Примерно с начала XXI века можно уверенно говорить о развертывании в стране новой исторической парадигмы, которую условно можно определить в качестве «обретения исторического соответствия» в рамках которого решается вопрос о том, как и в каком качестве постреволюционная Россия определит свое место в мировом государственно-политическом и правовом пространстве.

2. Содержание и социально-политические особенности реализации революционного процесса в России и СССР на восходящем этапе

Постараемся же разобраться в сущности гигантского по своим масштабам в истории XX века явления, обосновано занимающего центральное место в русской революционной парадигме, которое я предпочитаю называть эпохой радикалистской стабилизации, опираясь на примеры формирования и практической деятельности большевистского государства.

Расчленение и фактическая деградация крайне противоречивого и неоднородного альтернативного субъекта политики сложившегося в предреволюционные годы, после отречения Николая II предоставило в конечном итоге всю полноту власти в стране в руки наиболее убежденных, последовательных и решительных социально-политических радикалов – большевиков.

Основанием этого, во-первых, был тогда полный крах всех попыток преобразований в стране в прозападном духе. Все усилия временного правительства перестроить государственно-правовую систему по европейскому образцу оказались несостоятельны. Не помогло даже то, что их пытались осуществить на основании достаточно компетентных планов и проектов грамотные и квалифицированные специалисты.

Во-вторых, это фактически означало, что огромная, численно многократно превышающая богатые и средние слои, неимущая, маргинальная масса сумела оформить на своей собственной основе смысловой и практически привлекательный центр революционного процесса, используя до предела упрощенный, популярный марксизм, с которым многие представители её были знакомы еще с событий 1905 – 1907 годов.

Был создан великий исторический прецедент: толпы восставших бедняков впервые в мировой истории бунтов и революций не стали жертвами беспорядочной стихии собственного действия. Была предпринята, в значительной мере удавшаяся, попытка организовать революционную стихию маргиналов на позитивную борьбу за реализацию казавшейся близкой и понятной социальной альтернативы.

Тем самым впервые не либеральные проекты, не обобщающие задачи построения гражданского общества и правового государства стали ядром революционного процесса. Их отбросили за практической ненадобностью и невостребованностью в российских условиях политико-социальные силы, резко разделившие революционное сообщество на носителей истинной социальной справедливости-неимущих, пролетариев и всех остальных, которые саму возможность существования получали, только встав на сторону победившей социальной силы, приняв без изъятий её мир, её идеи и её облик.

С осени 1917 года пролетарственность стала массовой идеологией, государственной, правовой, морально-этической и даже эстетической основой русского революционного процесса.

Следует отметить, что в понятие «пролетарий» я включаю его наиболее общий первоначальный смысл: неимущий, бедняк, а не фабрично-заводской рабочий. Последний, как показало множество примеров в начавшейся революции, далеко не всегда был склонен к последовательному радикализму и занимал в полном соответствии с европейской традицией скорее реформистские, чем радикально революционные позиции.

Такое прочтение уточняет социальный смысл понятия применительно к особенностям революционной России, дает возможность определить в качестве основной тенденцию превращения ее в конце 1917 – 1918 году в революцию пролетарскую, плебейскую, то есть революцию бедняков. Тех самых малокультурных, диковатых, озлобленных и обездоленных людей, право которых на самостоятельное социальное творчество до сих пор вызывает у интеллигентной и образованной публики, мягко говоря, непонимание.

Осознавая специфику разворачивавшегося в России революционного движения, понимая и чувствуя особенности классов, борьбу которых им в силу обстоятельств пришлось возглавить, Ленин и его сподвижники, прежде всего, ставили задачи организации потребления и распределения благ, за счет решительной экспроприации богатых.

Социальные низы должны были быстро, реально, на деле почувствовать, что они могут не

только встать вровень с имущими, с вчерашним «барином», но и подняться выше его в социальной иерархии, завладеть безнаказанно его домом, имуществом, средствами производства. Захват имущества, по словам московского крестьянина Кузьмичева, оправдывали так: «Помещик был наш, мы ему работали, и достояние, бывшее у него, нам одним должно достаться». Некогда дворянин говорил крепостным: «Вы-мои, и все ваше--мое». Теперь крестьяне откликнулись: «Барин наш, и все добро наше».[8] Без подобной легитимации своих самостоятельных действий стихия восставших масс, дополненная стихией разложившейся армии, смела бы любое правительство.

Сложилась ситуация, при которой любая партия, любой претендент на власть должны были, во что бы то ни стало заполучить маргинальное, по преимуществу солдатско-крестьянское большинство на свою сторону, уточнить вектор приложения его революционной энергии, возглавить и постепенно направить стихийную террористическую силу не на разрушение, а на формирование своих институтов, своей государственной власти.

Сложность задачи заключалась еще и в том, что в условиях России мобильная масса революционеров была во многом стихийно антигосударственной, наполненной многочисленными пред-рассудками глубоко традиционных социальных отношений, а также многочисленными региональными и этническими интерпретациями представлений о сути и смысле революционного действия.

Отсюда вытекала реальная, практическая задача революционной власти: добиться параллельных социальных действий крестьян, городской бедноты и движений национальных меньшинств, которые породили бы их взаимопонимание. Достижение его позволяло хотя бы на первых порах избежать противоречий между революцией городской, достаточно политизированной и идеологизированной, революцией деревенской, недалеко ушедшей в своих проявлениях от традиционного крестьянского восстания, и революционно-этническими и сепаратистскими движениями.

Политическая тактика решения этих проблем ни в коем случае не может быть сведена к

«чистой» импровизации: она ясно прослеживается в задачах, которые ставил В.И. Ленин.

Прежде всего, это касается установки на особые отношения с беднейшим крестьянством как социальным слоем, в котором сильны были уравнилельные идеи справедливого распределения благ по конкретным бытовым потребностям нуждающихся восходящие к традициям «моральной экономики». Универсальный ее принцип – «отнять и поделить» мог реально и в нужный момент дополнить городскую революцию крестьянской войной.

Ленин сделал вывод о том, что революция не может быть ничем иным, как взрывом массовой борьбы всех и всяческих угнетенных и недовольных и это неизбежно приведет к соединению в один массовый террористический поход огромного большинства населения России.

В этом преобладании массовости над частным и групповым интересом и кроется суть русской революции и ее важнейшей системообразующей функции – «красного террора».

В. Буддаков, из всех современных исследователей наиболее отчетливо понявший это, справедливо отмечал, что последний «не случайно со временем принял масштабы, соответствующие классово-репрессивности государства» [1, С. 224.]

Политическим проявлением этого было сознательное разжигание классовой ненависти в наиболее простом, примитивном ее проявлении – ненависти бедняка, неимущего, к богатому.

Формулируя основные цели в этой области, В.И. Ленин ставил следующие задачи: «Никакой пощады этим врагам народа, врагам социализма, врагам трудящихся. Война не на жизнь, а на смерть богатым и их прихлебателям, буржуазным интеллигентам, война жуликам, тунеядцам и хулиганам. Те и другие, первые и последние – родные братья, дети капитализма, сынки барского и буржуазного общества, общества, в котором кучка грабила народ и издевалась над народом, общества, в котором нужда и нищета выбрасывали тысячи на путь хулиганства, продажности, жульничества, забвения человеческого образа, общества, в котором неизбежно воспитывалось стремление у трудящихся – уйти хоть обманом от эксплуатации, извернуться, избавиться хоть на минуту от постылой работы,

урвать хоть кусок хлеба каким угодно путем, какой угодно ценой, чтобы не голодать, чтобы не чувствовать себя и своих близких недоедающими. Богатые и жулики – это две стороны одной медали, это два главных разряда паразитов, вскормленных капитализмом, это главные враги социализма, этих врагов надо взять под особый надзор всего населения, с ними надо расправляться при малейшем нарушении ими правил и законов социалистического общества беспощадно. Всякая слабость, всякие колебания, всякое сентиментальничание в этом отношении было бы величайшим преступлением перед социализмом» [2 С. 203,204] .

На этой основе была сформирована и практически осуществлена государственная система, которая по признанию самих ее авторов ориентирована была, прежде всего, на удержание власти большевиками и на удовлетворение самых насущных потребностей социальных слоев, обеспечивавших их политическое и силовое господство.

«Свою работу у власти наша партия, – писал Л.Д. Троцкий, – вела почти все время под давлением потребностей гражданской войны, и историю хозяйственного строительства Советской России за пять лет ее существования нельзя понять, если подходить к ней только с точки зрения экономической целесообразности. К ней нужно подходить с мерилем военно-политической необходимости» [7. С .343.]

В плане государственно-правового строительства характерным примером укрепления основ общества создававшегося революционными радикалами-большевиками на первом этапе их нахождения у власти являлся УК РСФСР 1926 года.

Революционный, новаторский смысл его состоял в том, что социалистический период истории нашего Отечества кроме всех прочих новаций привнес в традиционную жизнь городского и сельского русского обывателя жесткое требование соотношения своих частных интересов с интересами государства. Учитывая революционную природу советской власти, основным инструментом привнесения подобных установок в сознание стало на этот раз юридически оформленное насилие, которое, на мой взгляд, наибо-

лее полно и последовательно реализовывалось в знаменитой 58 статье УК РСФСР 1926 года.

Пятьдесят восьмая статья интересна тем, что на ее основе формировалась вся система социально-политического господства государственной власти в СССР. Революционный радикализм, до той поры существовавший как спонтанная, ситуативная борьба революционеров за углубление альтернативного характера общественной организации, обрел в ней государственную и правовую определенность. Так, в ее втором пункте фиксируется мера ответственности за нарушение суверенитета и территориальной целостности революционного советского государства:

«Вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях и, в частности, с целью насильственно отторгнуть от СССР и отдельной республики какую-либо часть ее территории или расторгнуть заключенные СССР с иностранными государствами договоры, влекут за собою высшую меру социальной защиты – расстрел или объявление врагом трудящихся, с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства СССР и изгнанием из пределов СССР навсегда, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества.»

Причем следует подчеркнуть, что санкции за подобное тяжкое преступление изначально были, отнюдь не фатально кровожадны: фактически нижним пределом их являлись всего-то три года лишения свободы.

Вся логика этого документа, всех его пунктов, ориентирована на защиту особого пути развития государства, подчеркивание суверенного права на него и стремление защитить этот альтернативный путь социально-политического развития от вмешательства извне.

В нем подводятся первые юридические итоги пребывания у власти большевиков: Новая власть состоялась в военном, политическом и идеологическом отношениях и определяются перспективы: эту власть надо защитить, прежде всего социально, юридически и политически. Реализация этих задач и составила суть следу-

ющего этапа радикалистской стабилизации в СССР – Сталинского-ставшего периодом самых впечатляющих побед и одновременно упущенных по множеству причин возможностей.

В основу этого, государственнического этапа радикалистской стабилизации была положена идея И.В. Сталина: «... нам нужен не всякий рост производительности труда... а именно такой рост, который обеспечивает систематический перевес социалистического сектора народного хозяйства над сектором капиталистическим» [5. С. 273.]

Утвердившаяся в конце 20-х, начале 30-х годов социально-экономическая и политическая парадигма советской государственности обеспечила длительный период радикалистской стабилизации, который характеризовался множеством особенностей революционного развития страны.

В рассматриваемый период именно большевики-сталинцы оказались реально единственной устойчивой и серьезной политической силой, готовой дать реконструированному на основе сложной системы во многом случайных образцов обществу перспективу собственного самостоятельного и суверенного существования. В отличие от большинства своих соратников Сталин еще с дореволюционных времен гораздо больше внимания уделял внутрироссийским проблемам революционной теории и практики. Это прослеживается буквально с его первых статей, объединенных, в последствии под заглавием «Анархизм или социализм?». Уже здесь виден некий государственно-имперский привкус сталинских представлений о социалистическом будущем. А в одном из своих выступлений на VI съезде РСДРП(б) он прямо говорит: «Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму» [6. С. 294.].

Аргументируя далее свой тезис, Сталин утверждает, что именно в России стала реальностью самая широкая база революции и завершает прямо-таки пророческой фразой о том, что «Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последне-

го».[6. С.186.] Очень даже понятно и очевидно, с какой страной, и с какой реальной революцией связывал еще в 1917 году будущее марксизма И.В. Сталин.

Выбор в дальнейшем именно его модели инновационного развития СССР, определяется еще и тем, что она гарантировала привычный для русского народа имперский в своей основе принцип понимания суверенитета страны. Пусть даже и реализовывавшийся на основе более чем скромного жизненного стандарта и относительной изоляции. Все альтернативные проекты явно уступали сталинскому в практическом, государственно-смысловом смысле.

Реальностью подобный выбор стал еще и потому, что в стране идеалистичность и идеократичность власти оказалась абсолютной. Просто физически не могли присутствовать в элите на сталинском этапе существования государства те, кто так или иначе корыстно был заинтересован в освоении новых горизонтов личного обогащения и влияния.

Существует общепризнанное суждение, согласно которому в основе любой власти лежит страх, убеждение и личный интерес. Своеобразие власти, сформировавшейся в большевистской России, в предвоенный период состояло в том, что личный интерес работника любого уровня был полностью поставлен в зависимость от решения государственно-значимых задач.

В этом состоял своеобразный механизм приобщения человека к новой, непривычной социальной действительности. Диалектика интереса, убеждения и насилия раскрывается здесь в том, что глубоко меняется привычная мера соотношения социального в личном и личного в социальном. В их взаимодействии появляются новые оттенки. Так, полностью социализированной (прежде всего через экспроприации, национализации и принудительное всеобщее приобщение к труду – Г.З.) оказывается сфера труда. Человек работает на себя и на общество. Работа, понимаемая как сугубо индивидуальное, частное дело и как персональное услужение кому-либо, если и не полностью вытесняется из общественного сознания, то приобретает в нем явно негативный оттенок.

Что касается социального и политического насилия, то оно обладает свойством постепен-

ного обретения легитимности, то есть оправданности в глазах потомков, а иногда даже и современников, прежде всего благодаря достигнутым с его помощью реальным, зримым и понятным на бытовом уровне результатам.

Ни один социальный сдвиг в человеческом обществе, ни одно достижение, прославленное и канонизированное потомками, не обошлось без открытого и грубого применения силы в момент своего изначального совершения. В конечном итоге всегда оказывались так или иначе оправданными, в той или иной форме, самые дикие примеры открытого зверства как общественных низов (возмущение доведенного до отчаяния народа), так и верхов (наказание взбунтовавшейся черни за оскверненную и поруганную честь).

Революционно-государственный террор советского государства так уверенно стал властной универсалией нового общества, во-первых, потому, что у власти не было реальных перспектив политического плюрализма и, во-вторых, потому что эстетизация насилия получила в обществе прошедшем через гражданскую войну воистину небывалое распространение.

Массовость репрессий 30-х годов XX века обусловлена, на мой взгляд, еще и тем, что не поддавалось реальному учету количество самых разнообразных организованных и неорганизованных конспираций против власти.

Не только и не столько патологическая подозрительность Сталина, стала, на мой взгляд, основой репрессий а трезвое, практическое понимание им того, каким взрывоопасным является сочетание тягот вынужденного «окопного быта» с привычкой к безответственной оппозиционной болтовне и эмоционально-демонстративной оппозиционности интеллигенции. То, чего величественно не замечала и не хотела замечать до последних минут своего существования русская монархия, хорошо было известно советскому вождю.

Именно неясность границ и пределов оппозиционности в сочетании с обоснованными подозрениями относительно всего революционного социума, сплоченного лишь убеждением и принуждением, в самой легкой восприимчивости к «революционной фразе» и откровенной партизанщине и сделали террор массовым.

Базисной, философской основой этого, думаю, являлось стремление создать систему, в которой постоянно присутствовал бы реальный фактор материального успеха и благополучия получаемого за лояльность и честную, продуктивную работу ради общего блага. Образцы подобного успеха должны были вселять оптимизм и реализовываться с абсолютной регулярностью пусть даже в самых ограниченных и скромных масштабах.

Если говорить об упущенных на сталинском этапе развития советского государства возможностях, то к ним, на мой взгляд, относятся, прежде всего, несостоявшееся расширение прав и возможностей принимать участие в государственных делах широких слоев граждан, что предполагала конституция 1936 года, и чудовищные потери в Великой Отечественной войне. Следует признать с полной определенностью, что именно они подорвали практические возможности позитивной реализации советского проекта альтернативного общества и государства.

Итак, восходящее развитие российского революционного общества периода радикалистской стабилизации, связанное с решением масштабных задач по построению государства и созданию его социально-правовой основы на базе альтернативной идеологии и общественного устройства охватывает период с 1917 по середину пятидесятых годов. За это время возникло и укрепилось государство, было решено огромное количество задач по созданию механизмов его функционирования. Однако это было лишь самое начало задуманной большевиками перестройки всей системы социокультурных, умственных и нравственных параметров человеческого существования. По сути дела за эти годы удалось решить лишь вопрос выживаемости элементарных основ новой системы. Множество нерешенных ни теоретически, ни практически вопросов стояли относительно того, что делать дальше, ради чего, для какого будущего принесены неисчислимые жертвы.

3. Кризисные тенденции и завершающий этап Великой российской революции XX века

Со второй половины 50-х годов развернулся процесс, который с современных позиций вполне

может быть охарактеризован как великая праксиологическая трагедия русской революции.

Она постепенно утрачивает свою видимую актуальность потому, что ее реализация упирается в пределы «первого отрицания», то есть прямого, непосредственного разрушения исходной социальной данности за которым по множеству объективных и субъективных причин разворачивается не обретение нового качества, а реакция. То есть подспудное, до поры до времени скрытое восстановление разрушенного на предшествующем этапе порядка вещей и системы ценностей. Это происходило потому, что ничего действительно и принципиально качественного нового просто невозможно оказалось создать ни объективно, ни субъективно, в воле и желаниях советского человека как человека революционного.

В самом деле, можно запретить частную собственность, можно перевешать аристократов помещиков и буржуев, но что дальше? Какой именно технологией, строем укладом и человеческими качествами, каким индивидуальным и коллективным умом и нравственностью реально должно обладать общество, в котором все блага польются полным потоком?

Об этом можно лишь гадать, мечтать, грездить, это невозможно даже предположить, ибо просто не существует ничего имеющего в себе реально воспроизводимые практикой элементы столь альтернативно и принципиально нового.

Именно поэтому в СССР рубежа 50-60 годов с одной стороны актуализируются самые примитивные, количественные представления о коммунизме, сводимом к созданию «материально-технической базы», с другой стороны упрочившая свое влияние новая элита просто не хочет ничего менять в сложившейся системе, так как обретенные личные статусы и социальная роль ее вполне устраивает.

Срабатывает очень знакомый по прежним революциям фактор: маршалы устали воевать, они хотят пользоваться завоеванным с гарантиями и комфортом. На смену молодым сталинским наркомам практически способным решать задачи нечеловеческой сложности постепенно приходят советские вельможи, в сознании которых все чаще и чаще появляется мысль о том, как бы

гарантированные им привилегии превратить в неотчуждаемое право собственности.

На фоне широкозвучающих заявлений о полной и окончательной победе социализма в СССР и о переходе к задачам построения коммунистического общества в стране разворачивался новый кризис социальной и политической идентичности в понимании созданной системы. На этот раз ситуация оказалась значительно сложнее и тревожнее, чем в 20-е годы.

Во-первых послевоенный СССР во многом утратил инициативу в решении социальных проблем. Он уже не опережал остальные страны в темпах общественных преобразований и к тому же значительно отставал в практических жизненных стандартах от ведущих стран запада. Советской идеологии приходилось обороняться и оправдывать несоответствие текстов идей и лозунгов реальной житейской практике граждан. Зримый всеми тотальный дефицит товаров и услуг камнем лежал на обществе, тем более что в каждой статье, в каждом публичном выступлении, звучало: «Жить стало лучше...»

Во-вторых «смена стиля» понимаемая самым широким образом, связанная с политическими изменениями, последовавшими после смерти Сталина, носила уже не упреждающий и произвольный характер, а являлась вынужденной, оборонительной мерой, попыткой удержать в сфере официальной социалистической идеологии новый средний класс, стремительно формировавшийся в СССР на основе доступности всех форм образования и профессионального роста.

В среде новой советской интеллигенции постепенно становилось нормой иронично-насмешливое отношение к официальным ценностям, основанное на ощущении своего глубокого превосходства над классическими выдвиженцами предшествующего периода. В противовес снисходительной иронии преуспевающих технократов, по отношению к которым советская система раскрывалась новыми, достаточно либеральными гранями, в среде маргиналов и аутсайдеров росла прямая протестная оппозиционность, а в некоторых случаях и ненависть к советской системе, раскрывавшейся для них совсем с другой стороны.

Именно на этой основе и стал возможен подлинный центристский переворот, реальный термидор, декларировавший окончательный разрыв с государственно-политическим и социальным строем затянувшейся радикалистской стабилизации. Путь к нему начинается в годы горбачевской перестройки, а хронологические его рамки охватывают период 1991 – 93 годов, в которые произошло окончательное возвращение Великой Русской революции XX века на февральские рельсы.

Как это ни горько, фактически оказалось, что все битвы, подвиги, самоотверженная работа, большевистского государства в итоге лишь создала реальные социальные и материальные условия в которых, наконец, стало возможным реализовать, казалось, давно похороненный и забытый проект либерально-демократического, прозападного пути развития российского государства намеченный еще летом 1917 года.

Надо вполне точно и трезво понимать, что несмотря ни на какие реставрационные фрагменты, отдаленно напоминающие нечто из советского прошлого, современная Россия ближе, чем когда-либо в своей истории находится к евро-американским принципам своей правовой, экономической, политической и социальной организации. Возникающие в новых условиях рецидивы «холодной войны» имеют уже не идеологическую, а вполне традиционную геополитическую природу определяемую борьбой за господство над «серединной землей» большая часть которой и есть Россия.

4. Заключение. Основные этапы российской революционной парадигмы XX века и их значение

Таким образом, с завершением в основном революционной эпохи периодизация государственной и политической истории России XX века предстает перед нами в виде прохождения следующих этапов:

- 1 – Период предреволюционной дестабилизации Российской империи 1905 – весна 1917 года;
- 2 – Революционный инцидент и острая фаза революционного кризиса – февраль-октябрь 1917 года;

3 – Радикалистская стабилизация русской революции в период политического господства большевиков-коммунистов октябрь 1917 – декабрь 1993 (принятие конституции Российской Федерации закрепившей полную замену социально-политического строя). В свою очередь в ее рамках можно выделить следующие этапы:
а – гражданская война 1918-1920 годов;
б – период восходящего развития альтернативного советского общественного строя;
в – Великая Отечественная война

г – период постепенного упадка и разложения общества радикалистской стабилизации завершившийся распадом СССР и отстранением коммунистов от власти 1953-1993 годы.

4 – Постреволюционная Россия XXI века.

Убежден что именно такой подход к периодизации российского государства, общественных и политических отношений в нем, его правовой и хозяйственной организации позволит достаточно адекватно понять непростые пути и судьбы Отечества в XX–XXI веках.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Будаков В. Красная смута. М., 1997.
2. Ленин В.И., Полн. Собр. Соч. Т.35.
3. Минаков С. Сталин и заговор генералов. М., 2005.
4. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1952.
5. Сталин И.В. Соч. Т.1.
6. Троцкий Л.Д. Соч. М.; Л., 1927. Т.15.
7. Троцкий Л.Д. История русской революции.
8. <http://www.komintern-online.com>
9. Штирнер М. Единственный и его собственность. Харьков. 1994.

REFERENCES

1. Buldakov V. Krasnaya smuta. M., 1997.
2. Lenin V.I., Poln. Sobr. Soch. T.35.
3. Minakov S. Stalin i zagovor generalov. M., 2005.
4. Stalin I.V. Voprosy leninizma. M., 1952.
5. Stalin I.V. Soch. T.1.
6. Trotskii L.D. Soch. M.; L., 1927. T.15.
7. Trotskii L.D. Istoriya russkoi revolyutsii.
8. <http://www.komintern-online.com>
9. Shtirner M. Edinstvennyi i ego sobstvennost' . Khar'kov. 1994.